

Особенности межличностного восприятия юношей и девушек с разной выраженностью негативных черт

Балева М.В.

Пермский государственный национальный исследовательский университет (ФГБОУ ВО ПГНИУ),

г. Пермь, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>, e-mail: milenabaleva@yandex.ru

Цель исследования. Изучение межгрупповой перцепции мужчин и женщин в условиях категоризации по личностному сходству и привлекательным/отталкивающим чертам.

Контекст и актуальность исследования. На сегодняшний день актуальным остается вопрос о базовом факторе формирования аттитюдов. На эту роль претендуют два наиболее сильных «конкурента» — гомофилия и социально одобряемые черты. Знание удельного веса факторов формирования отношения к Другому позволяет разрабатывать эффективные прогнозы психологической совместимости и управления впечатлением.

Дизайн исследования. Использовался квазиэкспериментальный дизайн. В качестве независимых переменных рассматривались показатели объективного и субъективного личностного сходства респондентов с объектом восприятия (с учетом пола). В качестве зависимой переменной измерялось отношение к объекту, включавшее показатели когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов.

Выборка. 414 студентов в возрасте 18–24 лет, 86 мужчин и 328 женщин.

Методы. Опросник Темной триады; Шкала отношения. Стимульный материал — видеоинтервью с юношей или девушкой.

Результаты. Выявлен эффект деполаризации «хорошего» и «плохого» объекта противоположного пола у респондентов с высоким уровнем Темной триады. Данная закономерность отличается гендерной спецификой, а также по-разному «работает» в случае разных темнотриадических черт и отдельных компонентов отношения. Субъективно осознаваемое сходство с «плохим» объектом восприятия приводит к наиболее радикальному пересмотру его личностной валентности.

Основные выводы. Ключевую роль в формировании отношения к Другому играет личностная валентность объекта восприятия. Фактор гомофилии является вторичным, однако в случае межполового восприятия может приводить к нивелированию и даже инверсии оценок «хорошего» и «плохого» Другого.

Ключевые слова: социальная перцепция, межполовое восприятие, отношение к Другому, теория сходства, теория черт, «хорошая» и «плохая» личность, темная триада.

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-013-00329.

Благодарности: Автор благодарит за помощь в сборе данных для исследования исполнителей проекта Ковалеву Г.В. и Корниенко Д.С.

Для цитаты: Балева М.В. Особенности межличностного восприятия юношей и девушек с разной выраженностью негативных черт // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 2. С. 121–141. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110208>

Intergroup perception of men and women with different levels of negative traits

Milena V. Baleva

Perm State University,

Perm, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>, **e-mail:** milenabaleva@yandex.ru

Objectives. *The study of male and female intergroup perception in terms of categorization by personal similarity and attractive / repulsive personal traits.*

Background. *Today, the question of the basic factor in the attitudes formation remains highly relevant. Two of the strongest “competitors” claim to this role – homophilia and prosocial traits. Knowing the specific gravity of factors forming the relationship to the Other can help in the developing of effective forecasts for psychological compatibility and impression effects.*

Study design. *A quasi-experimental design was used. Indicators of objective and subjective personal similarity of respondents with the object of perception (in consideration of gender) were regarded as independent variables. The relation to the object (including cognitive, emotional, and behavioral components) was measured as a dependent variable.*

Participants. *414 students 18–24 years old, 86 male and 328 female.*

Measurements. *Short Dark Triad; Attitude Scale. Stimulus material – video interview with a young man or young woman.*

Results. *The effect of depolarization of the “good” and “bad” objects of the opposite sex was revealed for respondents with a high level of Dark Triad. This regularity is determined by gender specificity, and also “works” differently in the case of different Dark Triad traits and attitude components. Subjective awareness of similarities with the “bad” object leads to the most radical revision of his personal valence.*

Conclusions. *Personal valence of the perceived object plays the key role in attitudes towards the Other. The factor of homophilia plays the secondary role, but in the case of intersexual perception it can lead to leveling and even inversion of the “good” and “bad” Other assessments.*

Keywords: *social perception, intersexual perception, attitude to the Other, theory of similarity, theory of traits, “good” and “bad” personality, dark triad.*

Funding: The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 18-013-00329 A.

Acknowledgements: The author is grateful for assistance in data collection to Kovaleva G.V. and Kornienko D.S.

For citation: Baleva M.V. Intergroup perception of men and women with different levels of negative traits. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 2, pp. 121–141. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110208> (In Russ.).

Введение

В исследованиях социальных аттитюдов, рассматриваемых в контексте перцептивного принятия/отвержения, доминируют две фундаментальные теории, объясняющие формирование отношения к Другому. Первая из них — теория сходства — утверждает, что людям нравятся в Другом характеристики, которые похожи на их собственные [9]. Более поздние исследования в этой области привели к описанию двух закономерностей — феномена гомофилии [16] и *bird-of-a-feather*-эффекта [15]. Гомофилия определяется как склонность устанавливать контакты и поддерживать отношения с похожими Другими, поскольку имеющаяся в этом случае «общая основа» делает более вероятным понимание друг друга, осуществление сходных действий или обмен сходными убеждениями и ценностями. Гомофилия может основываться на многих различных аспектах, включая пол, возраст, национальность, религию, образование, социальный класс, поведение или отношение. Ее сопровождает субъективное переживание симпатии к «своим». *Bird-of-a-feather*-эффект проявляется в том, что люди, имеющие схожие интересы, притягиваются друг к другу, заводят дружеские отношения и «лайкают» друг друга в Сети [2]. Обратным следствием теории сходства является возникновение социальной неприязни на основе воспринимаемых различий [5; 17; 23].

Вторая теория, которую можно рассматривать как альтернативную, осно-

вывается на теории черт и утверждает, что существуют общепризнанные привлекательные черты (такие как просоциальность) и общепризнанные непривлекательные черты (такие как эгоизм). К обладателям первых формируются позитивные социальные аттитюды, к обладателям вторых — негативные [18]. В отдельных исследованиях черты личности рассматриваются как фактор социального сходства. Так, например, обнаружено, что у агрессивных детей больше друзей, которым нравится нарушать правила [8]. Такого рода исследования представляют собой пример смешения теоретических подходов, поскольку не вполне понятно, какой фактор рассматривается как решающий в формировании дружеских отношений — гомофилия или отвержение со стороны просоциального большинства.

Пол исследуется сегодня как один из ключевых факторов социальной гомофилии. Вместе с тем его эффекты на отношение к Другому обнаруживают возрастные и гендерные модуляции, которые определяют его особое место в процессах социальной перцепции. Большинство исследований, в которых пол рассматривается как важный критерий социального сходства, проводятся на выборках детей, подростков и юношей, поскольку вопросы половой идентичности играют для них ключевую роль. Обнаружено, что дети и подростки чувствуют себя более комфортно, общаясь со сверстниками того же пола [12; 14; 29; 30]. Начиная с раннего подросткового возраста между полами наблюдается

тенденция взаимного предпочтения, которая, однако, не пересиливает ведущую роль полового сходства при формировании симпатии к Другому [13]. Так, обнаружено, что среди подростков решающим фактором социального принятия является пол (в том числе его гендерные проявления в поведении представителей противоположного пола), а просоциальное (помогающее) и асоциальное (запугивающее) поведение играет лишь вспомогательную роль [10].

Исследование межполовых социальных предпочтений на выборках взрослых людей дает противоречивые результаты. С одной стороны, обнаружено, что и мужчины, и женщины выражают более высокий уровень симпатии к представителям мужского пола, связывая мужской пол с властью [25] и статусом [6], оценивая мужские авторитетные оценки более благоприятно, чем женские [27]. С другой стороны, обнаружено, что на уровне автоматических реакций женщины в большей степени предпочитают женщин, а мужчины не демонстрируют гендерных предпочтений [20; 22].

Как отмечают Л. Рудман и С. Гудвин [24], группы, выделенные по критерию пола, представляют особый случай для исследований социального восприятия. Начиная с раннего юношеского возраста, для которого характерно установление гетеросексуальных романтических отношений, основанных на любви и физической близости, межличностное восприятие мужчин и женщин утрачивает признаки дискриминации по полу и может приводить к имплицитной идеализации противоположного пола [26].

Таким образом, на сегодняшний день в социальной психологии остается актуальным вопрос о первичном (базовом) факторе формирования аттитудов.

На эту роль претендуют два наиболее сильных «конкурента» — гомофилия и социально одобряемые черты. Третьей силой является пол, который выступает мощным эволюционным стимулом, определяющим межличностные взаимодействия. Решение данного вопроса является актуальным не только в теоретическом, но и в прикладном аспекте, поскольку знание *удельного веса* факторов формирования симпатии/антипатии по отношению к Другому позволяет разрабатывать действительно эффективные прогнозы психологической совместимости, технологии управления впечатлением и программы межличностных взаимодействий.

Известно, что предикторами социальных аттитудов выступает большое множество переменных, начиная от идеологии и заканчивая эстетическими предпочтениями. Однако их действие, как правило, имеет контекстные ограничения и в силу этого не может рассматриваться как устойчиво закономерное. Определенным выходом из сложившейся ситуации являются эксперименты с искусственно конструируемыми социальными объектами [1]. Однако такие эксперименты неизбежно приводят к вопросу о применимости полученных результатов к ситуации восприятия конкретного, реально существующего Другого. В настоящей работе предпринимается попытка альтернативного решения проблемы вычленения «сильных предикторов». Воспринимаемые объекты одновременно наделяются признаками конкурирующих факторов в их контрастных проявлениях. В этом заключается научная новизна нашего исследования.

Целью настоящей работы является изучение межгрупповой перцепции

мужчин и женщин в условиях одновременной категоризации по личностному сходству и заведомо привлекательным/отталкивающим личностным чертам.

Эмпирической проверке подвергаются следующие *гипотезы*:

1. Фактор личностной валентности («хорошая»/«плохая» личность) играет ключевую роль в формировании отношения к представителю противоположного пола: «хорошие» объекты оцениваются выше по когнитивному, эмоциональному и поведенческому компонентам отношения.

2. Объективно диагностируемое личностное сходство с «плохим» объектом может нивелировать различия в позитивных оценках «хорошей» и негативных оценках «плохой» личности.

3. Воздействие фактора субъективно воспринимаемого сходства с объектом противоположного пола сопоставимо с воздействием фактора личностной валентности субъекта и может инвертировать оценки «хорошей» и «плохой» личности.

4. Эффекты факторов личностной валентности объекта и личностного сходства с объектом на формирование отношения к нему характеризуются половой асимметрией.

Организация и методы исследования

Участники исследования. В исследовании приняли участие 414 студентов 1–4 курсов Пермского государственного национального исследовательского университета в возрасте от 18 до 24 лет ($M=20,40$, $SD=0,89$), из них 86 (21%) мужчин и 328 (79%) женщин.

Стимульный материал. В качестве перцептивного объекта респондентам предъявлялся конкретный студент (или

студентка), который отвечал на вопросы Темной триады в ходе «интервью с психологом». В соответствии с заранее разработанным сценарием в одном случае объекты отвечали как абсолютно просоциальная («хорошая»), а во втором случае — как асоциальная («плохая», темнотриадическая) личность. Роли «хорошего» и «плохого» объектов исполняли одни и те же студенты-актеры — 1 юноша и 1 девушка. Валидность воплощенных ими в ходе интервью образов была подтверждена при обсуждении в фокус-группе ($N=23$) и путем экспертной оценки 3-х педагогов по актерскому мастерству. Респондентам женского пола предъявлялись (примерно в равной пропорции) «хороший» и «плохой» юноши, а респондентам мужского пола — соответственно «хорошая» и «плохая» девушка. В исследовании контролировался показатель внешней привлекательности стимульных объектов. В целом их внешность была оценена как средняя (44% для юноши и 61% для девушки вне зависимости от личностной валентности).

Измеряемые переменные. В исследовании в качестве независимых переменных (факторов) рассматривались показатели *объективного и субъективного сходства* респондентов с объектом восприятия. В качестве зависимой переменной измерялось *отношение к объекту восприятия*, включавшее показатели когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов.

Объективное сходство с объектом измерялось с помощью стандартизированного опросника Темной триады [3; 11]. Высокий уровень сходства с «хорошим» объектом определялся низким уровнем выраженности темнотриадических черт, а высокий уровень сходства с «плохим» объектом — высоким уровнем их выраженности. *Субъективное сходство* с объектом оценивалось по прямым ответам

испытуемых на вопрос «Насколько похожи ваши с ним/с ней характеры?» по 10-балльной шкале. Для всех показателей сходства с объектом выделялись группы испытуемых с низким, средним и высоким уровнями. Для этой цели использовался кластерный анализ (метод К-средних). *Отношение к объекту* измерялось с помощью авторской Шкалы отношения [7], включающей показатели когнитивного (рациональное описание и оценка), эмоционального (выражение позитивных или негативных чувств) и поведенческого (степень готовности к взаимодействию) компонентов отношения к объекту.

Анализ данных. Обработка результатов осуществлялась в программе Statistica 10 с использованием методов описательной статистики, сравнительного анализа по t-критерию Стьюдента, двухфакторного дисперсионного анализа и корреляционного анализа.

Результаты

Анализ распределения показателей осуществлялся с помощью методов описательной статистики по соотношению значений среднего и медианы, а также по значениям асимметрии и эксцесса. Было обнаружено, что расхождение между средним и медианой по всем показателям было меньше 1 и составило от 0,01 до 0,65. Значения асимметрии колебались в диапазоне от 0,01 до 0,21 при $A_{s_{крит}} = 0,36$, а значения эксцесса — в диапазоне от 0,31 до 0,71 при $E_{x_{крит}} = 1,18$. Таким образом, распределение измеряемых переменных соответствовало закону нормального распределения.

В приложении приводятся результаты сравнительного анализа отношения юношей (табл. 1) и девушек (табл. 2) к «хорошему» и «плохому» объектам про-

тивоположного пола без учета выраженности темнотриадических черт субъекта восприятия, а также при контрастных уровнях их суммарной выраженности.

Результаты анализа в выборке юношей свидетельствовали о том, что в целом юноши демонстрируют более позитивное отношение к «хорошей» девушке, чем к «плохой». Они считают ее и более хорошей (когнитивный компонент), и более приятной (эмоциональный компонент), а также выражают высокую готовность к непосредственному общению с ней (поведенческий компонент). При повторении тех же сравнений в подгруппе юношей с низкими показателями негативных черт контраст их отношения к «хорошей» и «плохой» девушкам, судя по показателям средних значений, становится еще более очевидным. Совсем иная картина наблюдается в подгруппе юношей с высоким уровнем темнотриадических черт: отношение к «хорошей» и «плохой» девушкам становится одинаковым, т.е. утрачивает статистические различия, причем по когнитивному компоненту отношения оценка «плохой» девушки даже превышает оценку «хорошей» по абсолютному значению.

Результаты анализа в выборке девушек в целом совпали с результатами в выборке юношей. Оказалось, что при низкой выраженности у девушек суммарного показателя негативных черт их позитивное отношение к «хорошему» и негативное отношение к «плохому» юношам являются более контрастными. При усилении выраженности собственных негативных черт наблюдается обратная картина: значимая разница в оценке «хорошего» и «плохого» юношей исчезает по показателям эмоционального и поведенческого компонентов (с преобладанием абсолютных значений оценок «плохого»

юноши), а по показателю когнитивного компонента обнаруживает статистически значимую инверсию: «плохой» юноша начинает оцениваться выше, чем «хороший». Другими словами, девушки с высоким суммарным показателем негативных черт считают юношу, обладающего сходным личностным профилем, более хорошим, чем юношу со слабой выраженностью темнотриадических черт.

Выраженность показателей общего отношения к объекту противоположного пола в выборках юношей и девушек представлена на рис. 1 и 2 соответственно.

Таким образом, анализ отношения к «хорошему» и «плохому» объектам противоположного пола у юношей и девушек с разным уровнем выраженности негативных личностных черт показал, что усиление негативной личностной направленности способствует смещению оценок «хорошего» и «плохого» человека, причем этот эффект более выражен у девушек, чем у юношей. В когнитивном ком-

поненте отношения феномен совпадения оценок «хорошей» и «плохой» личности проявляется сильнее, чем в эмоциональном и поведенческом компонентах, причем у девушек когнитивное отношение представлено инвертированными оценками «плохого» и «хорошего» юношей.

В табл. 3 (см. приложение) представлены результаты сравнительного анализа отношения юношей и девушек к «хорошему» и «плохому» объектам противоположного пола при контрастных уровнях выраженности конкретных черт Темной триады: макиавеллизма, нарциссизма и психопатии. Результаты анализа свидетельствуют о том, что отдельные негативные черты в большинстве случаев оказывают сходное влияние на формирование отношения к «хорошему» и «плохому» объектам противоположного пола. При низкой выраженности данных черт наблюдается максимальное расхождение в положительной оценке «хорошей» и отрицательной оценке «плохой» лично-

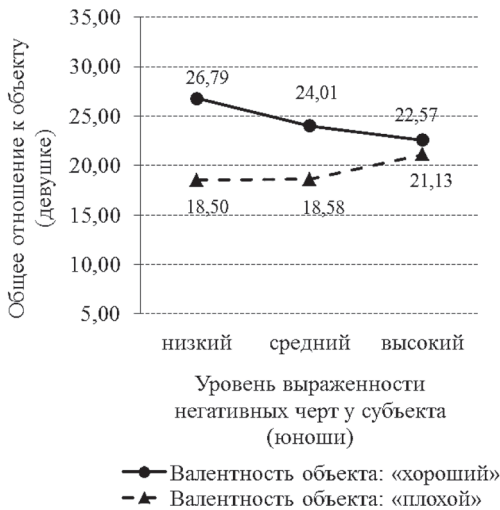

Рис. 1. Выраженность общего отношения к девушке у юношей с разным уровнем негативных черт

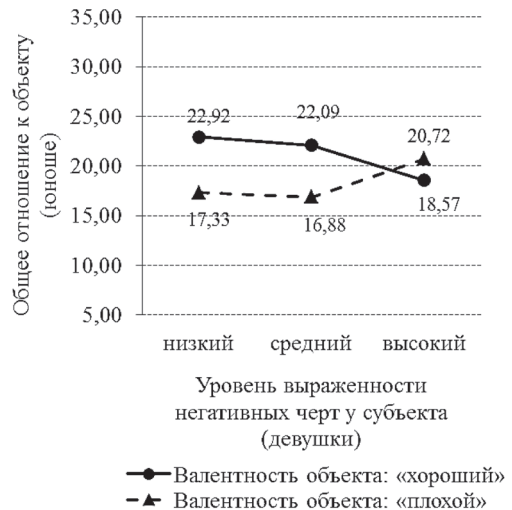

Рис. 2. Выраженность общего отношения к юноше у девушек с разным уровнем негативных черт

сти, а при их высокой выраженности разница в отношении к объектам с разной личностной валентностью исчезает.

Вместе с тем оказалось, что вклад отдельных черт Темной триады в отношение к объекту противоположного пола несколько отличается от их совокупного (суммарного) вклада. Наиболее ярко это отличие проявляется в выборке девушек. Так, если общий вклад негативных черт девушек проявлялся в инверсии когнитивного отношения к объекту (см. табл. 2), то высокая выраженность каждой отдельной черты такого эффекта не обеспечивала. Кроме этого, оказалось, что в выборке девушек каждая отдельная черта не оказывает элиминирующего эффекта на эмоциональный компонент отношения к юноше, однако этот эффект проявляется при совместной высокой выраженности негативных черт (табл. 2). Это означает, что у девушек эмоциональный компонент отношения к юноше обнаруживает независимость от усиления отдельной выраженности каждой негативной черты. Интересно, что, несмотря на разнозначные когнитивные и поведенческие оценки «плохого» и «хорошего» юношей, девушки с преобладанием какой-либо одной темнотриадической черты склонны давать «плохому» юноше все же более низкую эмоциональную оценку. То есть при том, что они рационально оценивают «плохого» юношу так же высоко, как «хорошего», в той же мере готовы взаимодействовать с ним, он все-таки вызывает у них большее раздражение и меньшую симпатию, чем «хороший». У юношей сходная тенденция к сохранению расхождения эмоциональных оценок «хорошей» и «плохой» девушек проявляется в тенденции только при высоком уровне психопатии ($p < 0,07$).

С помощью двухфакторного дисперсионного анализа были обнаружены еще

некоторые особенности изменения отношения к объекту при росте отдельных негативных черт у юношей и девушек. Так, оказалось, что при росте макиавеллизма у юношей и девушек схождение оценок «хорошей» и «плохой» личности обусловлено разными механизмами. У юношей оценка «плохой» девушки значимо не меняется ($p > 0,10$), а оценка «хорошей» снижается по всем компонентам отношения ($p_{cp} < 0,05$). У девушек, наоборот, оценка «хорошего» юноши значимо не меняется ($p > 0,10$), а оценка «плохого» растет по всем компонентам ($p_{cp} = 0,05$). Обнаруженные различия наглядно представлены на рис. 3 и 4.

При росте нарциссизма изменение отношения к «хорошему» и «плохому» объектам и у юношей, и у девушек наблюдается за счет взаимного схождения их оценок, то есть ухудшения отношения к «хорошему» при одновременном улучшении отношения к «плохому». Причем у юношей быстрее (уже при среднем уровне нарциссизма) меняется отношение к «плохой» девушке ($p < 0,01$), а у девушек — к «хорошему» юноше ($p < 0,06$). Данная закономерность прослеживается по всем компонентам отношения, однако более ярко выражена по когнитивному компоненту (рис. 5 и 6).

При выраженной психопатии у юношей отношение к объектам с разной личностной валентностью в целом остается на неизменном уровне и пропорционально сходится только по когнитивному компоненту ($p < 0,05$). У девушек при выраженной психопатии отношение к «хорошему» объекту практически не меняется, а к «плохому» — растет по всем компонентам отношения ($p < 0,05$).

В табл. 4 (см. приложение) приводятся результаты сравнительного анализа отношения юношей и девушек к «хорошему» и «плохому» объектам противоположно-

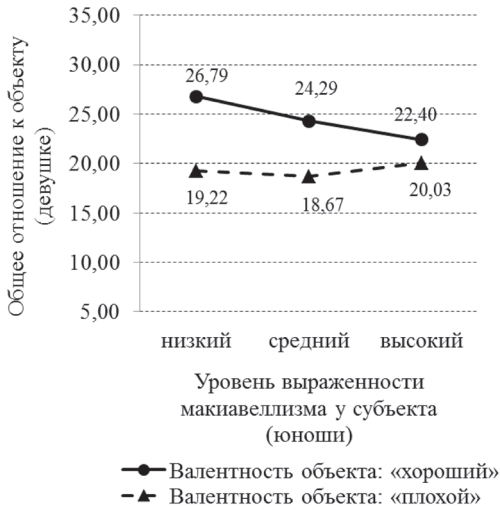

Рис. 3. Выраженность общего отношения к девушке у юношей с разным уровнем макиавеллизма

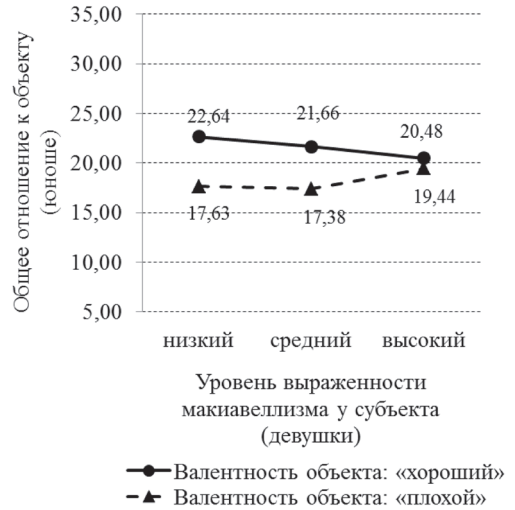

Рис. 4. Выраженность общего отношения к юноше у девушек с разным уровнем макиавеллизма

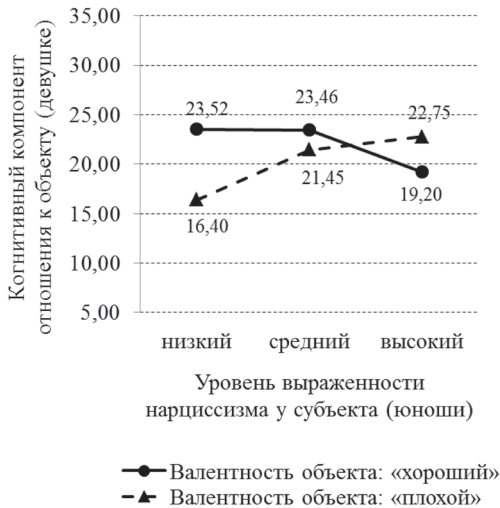

Рис. 5. Выраженность когнитивного компонента отношения к девушке у юношей с разным уровнем нарциссизма

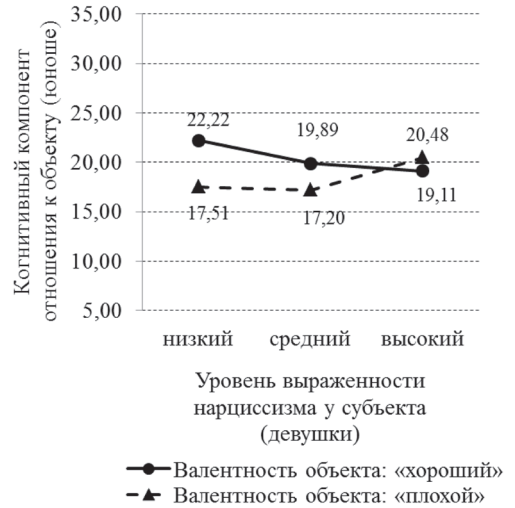

Рис. 6. Выраженность когнитивного компонента отношения к юноше у девушек с разным уровнем нарциссизма

го пола при контрастных уровнях показателя субъективного сходства с объектом.

Результаты анализа влияния фактора субъективного сходства с объектом

восприятия на показатели отношения к нему выявили ряд интересных закономерностей. Обнаружилось, что в выборке юношей при низком уровне субъек-

тивного сходства с объектом «хорошая» девушка оценивается значимо выше, чем «плохая», по всем компонентам отношения к ней. Иная картина наблюдается в выборке девушек. При низком уровне субъективного сходства девушки дают более высокую эмоциональную оценку «хорошему» объекту ($p < 0,001$), но одинаково низко оценивают и «хорошего», и «плохого» юношей по когнитивному и поведенческому компонентам.

При высоком уровне субъективного сходства с объектом у юношей исчезают значимые различия в оценках «хорошей» и «плохой» девушек по когнитивному и поведенческому компонентам, но сохраняются близкие к значимым различия в эмоциональной оценке ($p < 0,10$). У девушек при усилении субъективно воспринимаемого сходства с объектом по-прежнему отсутствуют различия в когнитивной оценке «хорошего» и «плохого» юношей, а в эмоциональной оценке

эти различия остаются такими же значимыми. В то же время поведенческий компонент отношения к юноше меняется: при росте субъективного сходства с ним девушки более категорично оценивают свою готовность общаться с «хорошим» и неготовность общаться с «плохим».

Однако наиболее интересный результат данного анализа заключался в том, что субъективно осознаваемое сходство с объектом восприятия существенно улучшает отношение к объекту с любой личностной валентностью, причем в результате объективно плохой объект, но воспринимаемый субъектом как похожий на него, начинает в ряде случаев оцениваться выше, чем объективно хороший, но воспринимаемый субъектом как не похожий. Данный эффект проявляется у юношей при когнитивной оценке девушки (рис. 7), а у девушек — при когнитивной и поведенческой оценке юноши, а также по показателю общего отношения к нему (рис. 8).

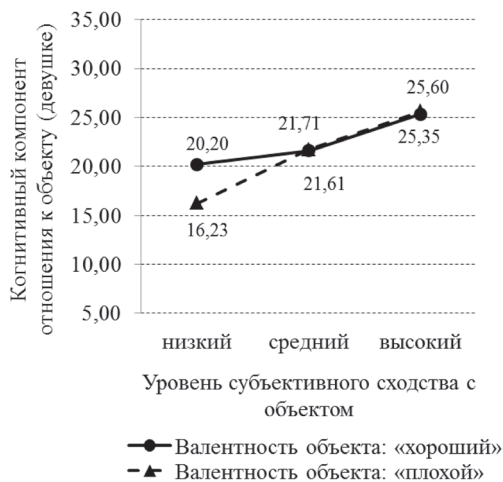

Рис. 7. Выраженность когнитивного компонента отношения к девушке у юношей с разным уровнем субъективного сходства с ней

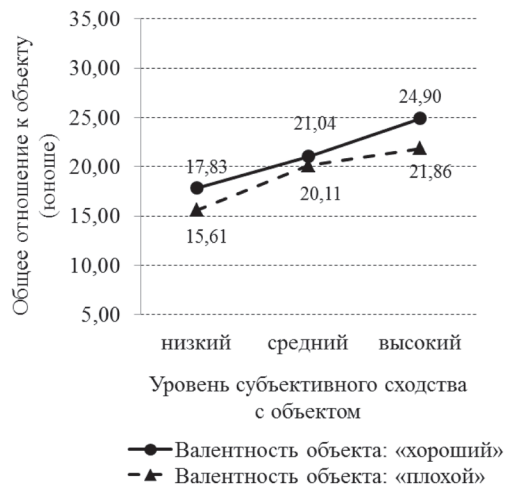

Рис. 8. Выраженность общего отношения к юноше у девушек с разным уровнем субъективного сходства с ним

Для дальнейшего обсуждения полученных результатов важно отметить, что показатели субъективного и объективного сходства с объектами восприятия обнаружили согласованные значения. В выборке юношей при восприятии «хорошей» девушки корреляция между показателем субъективного сходства и суммарным показателем негативных черт была отрицательной ($r=-0,54$, $p<0,001$), а при восприятии «плохой» девушки — положительной ($r=0,47$, $p<0,05$). В выборке девушек были обнаружены аналогичные по смыслу корреляции — отрицательная при восприятии «хорошего» юноши ($r=-0,34$, $p<0,001$) и положительная при восприятии «плохого» юноши ($r=0,46$, $p<0,001$).

Обсуждение результатов

Полученные результаты в целом согласуются с данными нашего предыдущего исследования, в ходе которого был выявлен (без учета пола) эффект деполяризации «хорошего» и «плохого» Другого при высоких уровнях темнотриадических черт субъекта [4]. Выяснилось, что и у юношей, и у девушек с выраженными показателями общего уровня негативных личностных черт восприятие объекта противоположного пола становится менее контрастным. Этот факт может быть проинтерпретирован с разных позиций. Во-первых, можно предположить, что лица с высокой выраженностью негативных черт отличаются большей когнитивной сложностью (проверка данного предположения уже запланирована в нашем следующем исследовании). Во-вторых, можно предположить, что темнотриадические личности характеризуются этической неопределенностью, что приводит к

оценочному смешению у них категорий «добра» и «зла» в процессе социальной перцепции. В-третьих, полученный факт можно проинтерпретировать с позиций общих закономерностей социальной перцепции, согласно которым усиление сходства с Другим приводит к его более позитивной оценке [15; 16; 19; 21; 28]. С учетом данных корреляционного анализа, который показал согласованность высокой выраженности темнотриадических черт и осознания сходства с «плохим» объектом, мы склоняемся к третьему варианту интерпретации.

Также было обнаружено, что описанная закономерность отличается гендерной спецификой и по-разному «работает» в отношении конкретных темнотриадических черт и качественных компонентов отношения. Так, у девушек совокупная выраженность всех темнотриадических черт вызывает эффект инверсии когнитивной оценки (чего не наблюдается по отдельным чертам), а одиночная выраженность любой негативной черты обеспечивает устойчивость эмоциональной дифференциации «хорошего» и «плохого» юношей. И если первый факт выглядит вполне логичным и объясняется «накопительным эффектом», то второй факт в некотором смысле парадоксален и может свидетельствовать, возможно, о связи нейротических проявлений личности женщин с наличием ведущей (наиболее выраженной) негативной черты в их темнотриадической структуре. Это предположение основывается на выявленном у таких женщин расхождении: эмоциональный компонент отношения к юноше расходится у них с когнитивным и поведенческим компонентами.

Еще одна интересная закономерность, выявленная в нашем исследова-

нии, заключается в том, что при росте макиавеллизма у юношей и девушек схождение оценок «хорошей» и «плохой» личности обусловлено разными механизмами. У юношей — за счет снижения отношения к «хорошей» девушке, а у девушек, наоборот, — за счет улучшения отношения к «плохому» юноше. По нашему мнению, этот факт можно проинтерпретировать с позиций функционального подхода к пониманию макиавеллизма. Можно предположить, что юноши с высоким уровнем макиавеллизма рассматривают «хорошую» девушку как неподходящий объект для манипуляции, а девушки с выраженным макиавеллизмом, наоборот, считают «плохого» юношу перспективным в этом смысле объектом. Если применять ту же логику для интерпретации взаимного схождения оценок при нарциссизме, можно сказать, что нарциссичные субъекты оценивают «хорошего» и «плохого» человека другого пола как равноценных объектов для демонстрации нарциссического поведения.

Последний важный эмпирический факт, описанный в нашем исследовании, заключается в том, что субъективно осознаваемое сходство с «плохим» объектом приводит к субъективному пересмотру его личностной валентности — он начинает оцениваться лучше, чем «хороший», но не похожий на субъекта объект. Данный эффект характерен в большей степени для девушек, поскольку проявляется в их общем, а также когнитивном и поведенческом отношении к объекту, в то время как у юношей затрагивает лишь когнитивный компонент. Это свидетельствует о том, что при восприятии объективно «плохого» юноши как похожего на себя девушка начинает относиться к

нему лучше, чем к не похожему на себя «хорошему», и в большей степени стремится к общению с ним. В то же время юноши, воспринимая объективно «плохую» девушку как похожую на себя, оценивают ее как более «хорошую», однако не отдают ей предпочтения перед объективно «хорошей» девушкой в плане общения.

В процессе осмысления обнаруженных фактов и в связи с неоднократным акцентированием внимания на факторах, способствующих нивелированию негативного отношения к «плохому» объекту другого пола, может создаться неверное впечатление о том, что субъекты с выраженными негативными чертами предпочитают «плохих», а субъективное сходство с «плохим» юношей приводит к его максимальной высокой оценке у девушки. Чтобы скорректировать это возможное интерпретационное искажение, следует особо подчеркнуть, что фактор сходства с объектом действует «в обе стороны», т.е. улучшает не только изначально более негативное отношение к «плохому» объекту, но и изначально более позитивное отношение к «хорошему». Таким образом, совпадение факторов положительной личностной валентности объекта и сходства с ним (для женщин — в большей степени субъективного, чем объективного) дает наиболее вероятный прогноз формирования максимально позитивного отношения к нему.

Ограничение нашего исследования связано с тем, что личностная валентность объекта определялась совокупной выраженностью черт и не варьировалась по каждой отдельной черте. В связи с этим используемый нами термин «сходство» имеет операциональные погрешности.

Заключение

Полученные результаты можно обобщить в следующих основных выводах:

1. Личностная валентность объекта восприятия играет ключевую роль в формировании отношения к представителю противоположного пола: «хорошие» объекты оцениваются более высоко, чем «плохие», по когнитивному, эмоциональному и поведенческому компонентам отношения.

2. Объективно диагностируемое личностное сходство с «плохим» объектом нивелирует различия между позитивной оценкой «хорошей» и негативной оценкой «плохой» личности, т.е. при усилении выраженности негативных личностных черт субъекта восприятия его отношение к «плохому» и «хорошему» объектам противоположного пола становится менее контрастным.

3. Эффекты факторов личностной валентности объекта восприятия и личностного сходства с объектом восприятия на формирование отношения к нему характеризуются половой асимметрией, а также по-разному «работают» в отношении конкретных темнотриадических черт и компонентов отношения. У девушек совокупная

выраженность всех темнотриадических черт вызывает эффект инверсии когнитивной оценки (чего не наблюдается по отдельным чертам), а одиночная выраженность любой негативной черты обеспечивает устойчивость эмоциональной дифференциации «хорошего» и «плохого» юношей. При росте макиявеллизма у юношей и девушек сходение оценок «хорошей» и «плохой» личности обусловлено разными механизмами. У юношей — за счет снижения отношения к «хорошей» девушке, а у девушек — за счет улучшения отношения к «плохому» юноше.

4. Субъективно осознаваемое сходство с «плохим» объектом приводит к субъективному пересмотру его личностной валентности — он начинает оцениваться лучше, чем «хороший», но не похожий на субъекта объект. Данный эффект характерен в большей степени для девушек, поскольку проявляется в их общем, а также когнитивном и поведенческом отношении к объекту, в то время как у юношей затрагивает лишь когнитивный компонент.

Полученные результаты могут использоваться при разработке стратегий самопрезентации, а также для объяснения содержания социальных аттитюдов, формируемых в процессе межличностного взаимодействия полов.

Таблица 1

Различия в показателях отношения юношей к «хорошей» и «плохой» девушкам при разных уровнях выраженности общего показателя негативных черт

Показатели отношения к объекту	Выраженность негативных черт субъекта восприятия														
	Без учета уровня выраженности					Низкий уровень					Высокий уровень				
	M_x	M_{Π}	t	M_x	M_{Π}	t	M_x	M_{Π}	t	M_x	M_{Π}	t			
Когнитивный компонент	22,79	19,64	2,72 ^b	25,21	16,50	3,28 ^b	19,82	21,75	-0,78						
Эмоциональный компонент	24,80	19,04	4,86 ^a	27,00	19,00	3,19 ^b	23,76	21,63	0,84						
Поведенческий компонент	25,15	19,48	4,32 ^a	28,14	20,00	2,94 ^b	24,12	20,00	1,29						
Общее отношение	24,25	19,39	4,43 ^a	26,79	18,50	3,43 ^b	22,57	21,13	0,58						

Условные обозначения: M_x — среднее значение показателя отношения к «хорошей» личности, M_{Π} — среднее значение показателя отношения к «плохой» личности; ^a $p < 0,001$, ^b $p < 0,01$.

Таблица 2

Различия в показателях отношения девушек к «хорошему» и «плохому» юношам при разных уровнях выраженности общего показателя негативных черт

Показатели отношения к объекту	Выраженность негативных черт субъекта восприятия														
	Без учета уровня выраженности					Низкий уровень					Высокий уровень				
	M_x	M_{Π}	t	M_x	M_{Π}	t	M_x	M_{Π}	t	M_x	M_{Π}	t			
Когнитивный компонент	20,56	18,24	3,64 ^a	22,23	17,51	3,98 ^a	17,00	21,60	-3,24 ^b						
Эмоциональный компонент	22,69	17,16	8,27 ^a	23,33	16,32	5,31 ^a	19,53	19,60	-0,04						
Поведенческий компонент	22,06	18,50	5,20 ^a	23,20	18,16	3,97 ^a	19,18	20,96	-1,12						
Общее отношение	21,77	17,97	6,21 ^a	22,92	17,33	4,69 ^a	18,57	20,72	-1,53						

Условные обозначения: M_x — среднее значение показателя отношения к «хорошей» личности, M_{Π} — среднее значение показателя отношения к «плохой» личности; ^a $p < 0,001$, ^b $p < 0,01$.

Таблица 3

**Различия в показателях отношения к «хорошему» и «плохому» объектам
противоположного пола при разных уровнях выраженности у субъекта
восприятия конкретных черт Темной триады**

Показатели отношения к объекту	Выраженность негативных черт субъекта восприятия											
	Выборка юношей					Выборка девушек						
	Низкий уровень		Высокий уровень		Низкий уровень		Высокий уровень		t			
	M _х	M _п	t	M _х	M _п	t	M _х	M _п	t	M _х	M _п	t
Негативная черта субъекта: <i>макиавелизм</i>												
Когнитивный компонент	26,09	17,33	4,06 ^b	20,50	20,92	-0,17	21,25	17,91	2,87 ^b	19,40	20,20	-0,56
Эмоциональный компонент	27,27	19,00	3,50 ^b	23,56	20,33	1,30	23,56	16,49	6,17 ^a	21,40	18,56	2,04 ^c
Поведенческий компонент	27,00	21,33	1,64	23,13	18,83	1,49	23,11	18,50	3,75 ^a	20,65	19,57	0,69
Общее отношение	26,79	19,22	2,99 ^c	22,40	20,03	0,98	22,64	17,63	4,57 ^a	20,48	19,44	0,78
Негативная черта субъекта: <i>нарциссизм</i>												
Когнитивный компонент	23,52	16,40	4,25 ^a	19,20	22,75	-1,15	22,22	17,51	4,80 ^a	19,11	20,48	-0,84
Эмоциональный компонент	24,92	16,00	4,84 ^a	22,40	22,50	-0,03	23,59	16,21	6,76 ^a	22,94	18,65	2,56 ^c
Поведенческий компонент	26,20	15,00	5,72 ^a	23,90	22,75	0,30	23,51	18,63	4,30 ^a	21,78	20,37	0,80
Общее отношение	24,88	15,80	5,50 ^a	21,83	22,67	-0,29	23,11	17,45	5,70 ^a	21,28	19,83	0,92
Негативная черта субъекта: <i>психопатия</i>												
Когнитивный компонент	24,64	16,00	3,70 ^b	21,08	21,09	-0,01	21,27	16,90	4,00 ^a	19,24	20,33	-0,84
Эмоциональный компонент	26,09	16,67	3,58 ^b	23,81	20,55	1,93	23,78	15,59	7,45 ^a	22,08	17,51	3,33 ^b
Поведенческий компонент	26,36	17,83	3,47 ^b	24,15	21,00	1,42	22,68	16,85	4,88 ^a	21,76	19,77	1,44
Общее отношение	25,70	16,83	3,80 ^b	23,01	20,88	1,28	22,58	16,45	5,82 ^a	21,03	19,20	1,45

Условные обозначения: M_х – среднее значение показателя отношения к «хорошей» личности, M_п – среднее значение показателя отношения к «плохой» личности; ^ap<0,001, ^bp<0,01, ^cp<0,0001.

Различия в показателях отношения к «хорошему» и «плохому» объектам противоположного пола при разных уровнях выраженности субъективного сходства с объектом

Показатели отношения к объекту	Выраженность субъективного сходства с объектом восприятия											
	Выборка юношей			Выборка девушек								
	Низкий уровень		Высокий уровень	Низкий уровень		Высокий уровень						
M_x	M_{II}	t	M_x	M_{II}	t	M_x	M_{II}	t				
Когнитивный компонент	20,20	16,23	2,50 ^c	25,35	25,60	-0,14	16,04	15,45	0,57	24,17	23,33	0,96
Эмоциональный компонент	22,20	15,85	3,37 ^b	27,13	23,40	1,73	19,15	15,02	3,44 ^a	25,74	20,62	5,17 ^a
Поведенческий компонент	24,20	15,69	3,47 ^b	27,52	24,80	1,38	18,31	16,35	1,58	24,79	21,62	3,12 ^b
Общее отношение	22,20	15,92	3,75 ^b	26,67	24,60	1,13	17,83	15,61	2,12 ^c	24,90	21,86	3,57 ^a

Условные обозначения: M_x – среднее значение показателя отношения к «хорошей» личности, M_{II} – среднее значение показателя отношения к «плохой» личности; ^a $p < 0,001$, ^b $p < 0,01$, ^c $p < 0,05$.

Литература

1. *Балева М.В.* Когнитивно-стилевые и контекстные факторы ингрупповой предвзятости и аутгрупповой стереотипизации при восприятии искусственных социальных групп // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 2. С. 67–84. DOI:10.17759/sps.2017080205
2. *Гаряня Н.Г.* Теория социального сравнения в клинической психологии // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 36–49.
3. *Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В.* Адаптация Короткого опросника Темной триады [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 43. С. 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1181-egorova43.html> (дата обращения: 19.12.2018).
4. *Корниенко Д.С., Балева М.В., Руднова Н.А.* Хороший и простой, плохой и сложный: как воспринимается образ другого при разных уровнях Темной триады [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 62. С. 2. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n62/1644-kornienko62.html> (дата обращения: 22.12.2018).
5. *Реан А.А., Коновалов И.А.* Социально-перцептивный образ различных социальных групп в сознании подростков // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 60–80. DOI:10.17759/sps.2018090205
6. *Фоломеева Т.В., Федотова С.В.* Дифференциация образов высокостатусного и низкостатусного человека у молодежи // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 197–207. DOI:10.17759/sps.2018090319
7. *Щебетенко С.А., Балева М.В., Корниенко Д.С.* Стереотип и социальная угроза как факторы восприятия иммигрантов русскими // Вестник Пермского государственного института искусства и культуры. 2007. Т. 3. № 1. С. 57–69.
8. *Bagwell C.L., Coie J.D.* The best friendship of aggressive boys: Relationship quality, conflict management and rule-breaking behavior // Journal of Experimental Child Psychology. 2004. Vol. 88. P. 5–24. DOI:10.1016/j.jecp.2003.11.004
9. *Byrne D.* The attraction paradigm. New York: Academic Press, 1971. 474 p.
10. *Dijkstra J.K., Lindenberg S., Veenstra R.* Same-gender and cross-gender peer acceptance and peer rejection and their relation to bullying and helping among preadolescents: Comparing predictions from gender-homophily and goal-framing approaches // Developmental Psychology. 2007. Vol. 43 (6). P. 1377–1389. DOI:10.1037/0012-1649.43.6.1377
11. *Jones D.N., Paulhus D.L.* Introducing the Short Dark Triad (SD3): A Brief Measure of Dark Personality Traits // Assessment. 2014. Vol. 21 (1). P. 28–41. DOI: 10.1177/1073191113514105
12. *Lundy B., Field T., McBride C., Largie S.* Same-sex and opposite-sex best friend interactions among high school juniors and seniors // Adolescence. 1998. Vol. 33. P. 279–289.
13. *Maccoby E.E.* The two sexes: Growing up apart, coming together. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998. 384 p.
14. *Martin C.L., Fabes R.A.* The stability and consequences of young children's same-sex peer interactions // Developmental Psychology. 2001. Vol. 37. P. 431–446. DOI: 10.1037/0012-1649.37.3.431

15. *Mazumdar S.* How birds of a feather flock together in organizations: the phenomena of socio-physical congregation and distancing // *Journal of Architectural and Planning Research*. 1995. Vol. 12 (1). P. 1–18.
16. *McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J.M.* Birds of a Feather: Homophily in social networks // *Annual Review of Sociology*. 2001. Vol. 27 (1). P. 415–444. DOI:10.1146/annurev.soc.27.1.415
17. *Nangle D.W., Erdlay L.A., Zeff K.R., Stanchfield L.L., Gold J.A.* Opposites do not attract: Social status and behavioral-style concordance and discordance among children and peers who like or dislike them // *Journal of Abnormal Child Psychology*. 2004. Vol. 32. P. 425–434. DOI:10.1023/B:JACP.0000030295.43586.32
18. *Newcomb A.F., Bukowski W.M., Pattee L.* Children's peer relations: A meta-analytic review of popular, rejected, neglected, controversial, and average sociometric status // *Psychological Bulletin*. 1993. Vol. 113. P. 99–128. DOI:10.1037/0033-2909.113.1.99
19. *North M.S., Fiske S.T.* A prescriptive intergenerational-tension ageism scale: Succession, identity, and consumption (SIC) // *Psychological Assessment*. 2013. Vol. 25 (3). P. 706–713. DOI:10.1037/a0032367
20. *Nosek B., Banaji M.B.* The go/no-go association task // *Social Cognition*. 2002. Vol. 19. P. 625–664. DOI:10.1521/soco.19.6.625.20886
21. *Phills C.E., Kawakami K., Tabi E., Nadolny D., Inzlicht M.* Mind the gap: Increasing associations between the self and blacks with approach behaviors // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. Vol. 100 (2). P. 197–210. DOI:10.1037/a0022159
22. *Richeson J.A., Ambady N.* Who's in charge? Effects of situational roles on automatic gender bias // *Sex Roles*. 2001. Vol. 44. P. 493–512.
23. *Rosenbaum M.E.* The repulsion hypothesis: On the non-development of relations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. Vol. 51. P. 1156–1166. DOI:10.1037/0022-3514.51.6.1156
24. *Rudman L.A., Goodwin S.A.* Gender Differences in Automatic In-Group Bias: Why Do Women Like Women More Than Men Like Men? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2004. Vol. 87 (4). P. 494–509. DOI:10.1037/0022-3514.87.4.494
25. *Rudman L.A., Greenwald A.G., McGhee D.E.* Implicit self-concept and evaluative implicit gender stereotypes: Self and ingroup share desirable traits // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2001. Vol. 27. P. 1164–1178. DOI:10.1177/0146167201279009
26. *Rudman L.A., Heppen J.* Implicit romantic fantasies and women's interest in personal power: A glass slipper effect? // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2003. Vol. 29. P. 1357–1370. DOI:10.1177/0146167203256906
27. *Rudman L.A., Kilianski S.E.* Implicit and explicit attitudes toward female authority // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2000. Vol. 26. P. 1315–1328. DOI:10.1177/0146167200263001
28. *Stevens S.T., Jussim L., Anglin S.M., Contrada R., Welch C.A., LaBrecque J.S., Motyl M., Duarte J., Terbeck S., Sowden W., Edlund J., Campbell W.K.* Political exclusion and discrimination in social psychology: Lived experiences and solutions // *The politics of social psychology* / In J.T. Crawford & L.J. Jussim (eds.). New York, NY: Routledge, 2017. P. 210–244. DOI:10.4324/9781315112619

29. Strough J., Covatto A.M. Context and age differences in same- and other-gender peer preferences // *Social Development*. 2002. Vol. 1. P. 346–361. DOI:10.1111/1467-9507.00204

30. Strough J., Meegan S.P. Friendship and gender differences in task and social interpretations of peer collaborative problem solving // *Social Development*. 2001. Vol. 10. P. 1–22. DOI:10.1111/1467-9507.00145

References

1. Baleva M.V. Kognitivno-stilevye i kontekstnye faktory ingruppovoi predvzyatosti i autgruppovoi stereotipizatsii pri vospriyatii iskusstvennykh sotsial'nykh grupp [Cognitive styles and contextual variables as the factors of ingroup bias and outgroup stereotyping in the perception of artificial social groups]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [*Social Psychology and Society*], 2017. Vol. 8, no. 2, pp. 67–84. DOI:10.17759/sps.2017080205 (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Garanjan N.G. Teorija social'nogo sravnenija v klinicheskoj psihologii [Theory of social comparison in clinical psychology]. *Psihologicheskij zhurnal* [*Psychological journal*], 2015. Vol. 36, no. 4, pp. 36–49. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Egorova M.S., Sitnikova M.A., Parshikova O.V. Adaptacija Korotkogo oprosnika Temnoj triady [Adaptation of the Short Dark Triad]. *Psihologicheskie issledovanija* [*Psychological research*], 2015. Vol. 8, no. 43, pp. 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1181-egorova43.html> (Accessed: 19.12.2018). (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Kornienko D.S., Baleva M.V., Rudnova N.A. Horoshij i prostoj, plohoj i slozhnyj: kak vosprinimaetsja obraz drugogo pri raznyh urovnjah Temnoj triady ["Good and simple, bad and complex": the perceived image of another and the Dark triad]. *Psihologicheskie issledovanija* [*Psychological research*], 2018. Vol. 11, no. 62, pp. 2. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n62/1644-kornienko62.html> (Accessed: 22.12.2018). (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Rean A.A., Konovalov I.A. Social'no-perceptivnyj obraz razlichnykh social'nykh grupp v soznanii podrostkov [Adolescent's socio-cognitive representations (images) of different social groups]. *Sotsial'naja psihologija i obshchestvo* [*Social Psychology and Society*], 2018. Vol. 9, no. 2, pp. 60–80. DOI:10.17759/sps.2018090205 (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Folomeeva T.V., Fedotova S.V. Differenciacija obrazov vysokostatusnogo i nizkostaturnogo cheloveka u molodezhi [Images differentiation of high status and low status person among young people]. *Sotsial'naja psihologija i obshchestvo* [*Social Psychology and Society*], 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 197–207. DOI:10.17759/sps.2018090319 (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Shhebetenko S.A., Baleva M.V., Kornienko D.S. Stereotip i social'naja ugroza kak faktory vospriyatija immigrantov russkimi [Stereotype and social threat as factors of perception of immigrants by Russians]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo instituta iskusstva i kul'tury* [*Bulletin of the Perm State Institute of Art and Culture*], 2007. Vol. 3, no 1, pp. 57–69.
8. Bagwell C.L., Coie J.D. The best friendship of aggressive boys: Relationship quality, conflict management and rule-breaking behavior. *Journal of Experimental Child Psychology*, 2004. Vol. 88, pp. 5–24. DOI:10.1016/j.jecp.2003.11.004

9. Byrne D. The attraction paradigm. New York: Academic Press, 1971. 474 p.
10. Dijkstra J.K., Lindenberg, S., Veenstra, R. Same-gender and cross-gender peer acceptance and peer rejection and their relation to bullying and helping among preadolescents: Comparing predictions from gender-homophily and goal-framing approaches. *Developmental Psychology*, 2007. Vol. 43(6), pp. 1377–1389. DOI:10.1037/0012-1649.43.6.1377
11. Jones D.N., Paulhus D.L. Introducing the Short Dark Triad (SD3): A Brief Measure of Dark Personality Traits. *Assessment*, 2014. Vol. 21(1), pp. 28–41. DOI:10.1177/1073191113514105
12. Lundy B., Field T., McBride C., Largie S. Same-sex and opposite-sex best friend interactions among high school juniors and seniors. *Adolescence*, 1998. Vol. 33, pp. 279–289.
13. Maccoby E.E. The two sexes: Growing up apart, coming together. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998. 384 p.
14. Martin C.L., Fabes R.A. The stability and consequences of young children's same-sex peer interactions. *Developmental Psychology*, 2001. Vol. 37, pp. 431–446. DOI:10.1037/0012-1649.37.3.431
15. Mazumdar S. How birds of a feather flock together in organizations: the phenomena of socio-physical congregation and distancing. *Journal of Architectural and Planning Research*, 1995. Vol. 12(1), pp. 1–18.
16. McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J.M. Birds of a Feather: Homophily in social networks. *Annual Review of Sociology*, 2001. Vol. 27 (1), pp. 415–444. DOI:10.1146/annurev.soc.27.1.415
17. Nangle D.W., Erdlay L.A., Zeff K.R., Stanchfield L.L., Gold J.A. Opposites do not attract: Social status and behavioral-style concordance and discordance among children and peers who like or dislike them. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 2004. Vol. 32, pp. 425–434. DOI:10.1023/B:JACP.0000030295.43586.32
18. Newcomb A.F., Bukowski W.M., Pattee L. Children's peer relations: A meta-analytic review of popular, rejected, neglected, controversial, and average sociometric status. *Psychological Bulletin*, 1993. Vol. 113, pp. 99–128. DOI:10.1037/0033-2909.113.1.99
19. North M.S., Fiske S.T. A prescriptive intergenerational-tension ageism scale: Succession, identity, and consumption (SIC). *Psychological Assessment*, 2013. Vol. 25 (3), pp. 706–713. DOI:10.1037/a0032367
20. Nosek B., Banaji M.B. The go/no-go association task. *Social Cognition*, 2002. Vol. 19, pp. 625–664. DOI:10.1521/soco.19.6.625.20886
21. Phills C.E., Kawakami K., Tabi E., Nadolny D., Inzlicht M. Mind the gap: Increasing associations between the self and blacks with approach behaviors. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2011. Vol. 100(2), pp. 197–210. DOI:10.1037/a0022159
22. Richeson J.A., Ambady N. Who's in charge? Effects of situational roles on automatic gender bias. *Sex Roles*, 2001. Vol. 44, pp. 493–512.
23. Rosenbaum M.E. The repulsion hypothesis: On the non-development of relations. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1986. Vol. 51, pp. 1156–1166. DOI:10.1037/0022-3514.51.6.1156
24. Rudman L.A., Goodwin S.A. Gender Differences in Automatic In-Group Bias: Why Do Women Like Women More Than Men Like Men? *Journal of Personality and Social Psychology*, 2004. Vol. 87(4), pp. 494–509. DOI:10.1037/0022-3514.87.4.494

25. Rudman L.A., Greenwald A.G., McGhee D.E. Implicit self-concept and evaluative implicit gender stereotypes: Self and ingroup share desirable traits. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2001. Vol. 27, pp. 1164–1178. DOI:10.1177/0146167201279009
26. Rudman L. A., Heppen J. Implicit romantic fantasies and women's interest in personal power: A glass slipper effect? *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2003. Vol. 29, pp. 1357–1370. DOI:10.1177/0146167203256906
27. Rudman L.A., Kilianski S.E. Implicit and explicit attitudes toward female authority. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2000. Vol. 26, pp. 1315–1328. DOI:10.1177/0146167200263001
28. Stevens S.T., Jussim L., Anglin S.M., Contrada R., Welch C.A., LaBrecque J.S., Motyl M., Duarte J., Terbeck S., Sowden W., Edlund J., Campbell W.K. Political exclusion and discrimination in social psychology: Lived experiences and solutions. In Crawford J.T., Jussim L.J. (eds.). *The politics of social psychology*, 2017. New York, NY: Routledge, pp. 210–244. DOI:10.4324/9781315112619
29. Strough J., Covatto A.M. Context and age differences in same- and other-gender peer preferences. *Social Development*, 2002. Vol. 1, pp. 346–361. DOI:10.1111/1467-9507.00204
30. Strough J., Meegan S.P. Friendship and gender differences in task and social interpretations of peer collaborative problem solving. *Social Development*, 2001. Vol. 10, pp. 1–22. DOI:10.1111/1467-9507.00145

Информация об авторах

Балева Милена Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития, Пермский государственный национальный исследовательский университет (ФГБОУ ВО ПГНИУ), г. Пермь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>, e-mail: milenabaleva@yandex.ru

Information about the authors

Milena V. Baleva, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Developmental Psychology, Perm State University, Perm, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>, e-mail: milenabaleva@yandex.ru

Получена 09.01.2019

Принята в печать 09.04.2020

Received 09.01.2019

Accepted 09.04.2020